

В. П. Большаков

Качество публикаций гуманитариев и эффективность межкультурного общения

Одна из ключевых современных проблем межкультурного общения сводится к существенному отличию яркости выражения содержания в процессе устной и письменной коммуникации. Живая форма устной речи полнее и разнообразнее отражает мыслительную остроту содержания, чем письменная. В российских гуманитарных науках научность их языка, стремление к научности выражения, сказывается негативно на характере общения авторов с читателями. Гуманитарные публикации – явление собственно культурной коммуникации, момент самосознания культуры и ее трансляции. Автор предлагает поощрять свободу выражения мысли, в том числе и в таких устоявшихся формах научных публикаций, как рефераты, курсовые, дипломные работы, диссертации. Прививать подобную свободу выражения мысли необходимо уже со школьных сочинений и выпускных экзаменационных работ.

Ключевые слова: культурная коммуникация, устная речь, письменная речь, стилистика, гуманитарные публикации, языки науки, устная коммуникация

Valerii P. Bol'shakov

Quality publications humanitarians and efficiency of intercultural communication

One of the key problems of modern intercultural communication is reduced to a significant difference in the brightness of the expression of content in the process of oral and written communication. The lively form of oral speech reflects the mental acuity of the content more fully and more diversely than the written one. In the Russian humanities, the scientific nature of their language, the desire for scientific expression, has a negative effect on the nature of the communication between authors and readers. Humanitarian publications are a phenomenon of cultural communication proper, a moment of culture self-awareness and its transmission. The author proposes to encourage freedom of expression of thought, including in such well-established forms of scientific publications as abstracts, term papers, theses, dissertations. To instill such freedom of expression of thought is necessary already from school essays and final examination papers.

Keywords: cultural communication, oral speech, written speech, stylistics, humanitarian publications, scientific languages, oral communication

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-11-13

Для начала обозначим некоторые исходные положения:

- наука – одна из сфер межкультурного общения;
- всякое межкультурное общение осуществляется в знаковых, речевых формах;
- фиксированное, письменное выражение мысли – специфично;
- любая из форм выражения мысли имеет право на существование, в том числе и в науках, в гуманитарных – тоже.

А теперь о имеющей место проблемности межкультурного диалога гуманитариев, диалога друг с другом посредством научных публикаций и с теми, кому еще могут быть интересны эти публикации.

Очень многое (не все, конечно) из научной литературы читается все с большим трудом. Тексты книг, статей, диссертаций стилистически однообразны, тяжеловесны. Ощущаешь, что ради обычно незначительной прибавки знания (если она вообще есть) приходится продирааться сквозь хитросплетения невыразительных фраз. Каждый автор в плане выражения мысли походит на каждого другого.

Мне это стало особенно заметным, видимо, еще и потому, что я занимался и литературой (художественной), и наукой, и преподаванием гуманитарных дисциплин: философии, эстетики, культурологии, литературы. И чем больше в своих разнородных занятиях мне приходилось писать тезисов, статей, книг, тем более я чувствовал, что пишу все хуже и хуже. Не в том смысле, что раньше писал блестяще. И не в том, что сильно отличаюсь в худшую сторону от того, что и как пишут другие. Но вроде бы разучиваюсь выражать свою мысль именно как свою: живо, непринужденно, легко, свободно, без языковых штампов. Моя письменная речь стала слишком отличаться от устной.

Вообще, как известно, в русском языке стилистические пласты художественной, разговорной и научной речи существенно разнятся. В отличие, скажем, от английского языка, в котором это различие проявляется не столь очевидно. В российских гуманитарных науках научность их языка, стремление к научности выражения, сказывается негативно на характере общения авторов с читателями.

В 1970-е гг. в ЛГУ на лекции философа М. А. Киссея сбегалось большое количество слушателей, не только с его курса, не только с философского факультета. Лекции были интересны по мысли и по тому, как мысль выражалась. Когда я после этих лекций читал некоторые публикации Киссея, помнитесь, недоумевал: куда он пропал? Пропал как индивидуальность. Читать написанное было скучно. При отсутствии яркости языковой формы выражения исчезало и то, что выглядело содержательно значимым.

Примерно то же самое могу сказать и о лекциях по зарубежной литературе С. Д. Артамонова, которые читались им в Москве, в Литературном институте. Лекции были зажигательны. Письменное выражение того же самого материала тем же автором в его книгах оказалось значительно слабее, менее действенно.

В чем-то это следствие редакторской работы. Редакторы «причесывали» научные труды «под одну гребенку» правильного научного стиля. Ученые с молодости проходили (и проходят) чистилище редактирования многократно, и постепенно в авторе поселяется «внутренний редактор», который не позволяет «разгуляться» выразительной образности речи, нетривиальности словесных пассажей. Все это приносится в жертву якобы научной строгости, корректности.

Ученые естественники и техники не слишком страдают от этого. Во-первых, потому, что читающая их аудитория – именно специалисты, все более узкие, а не вся общественность, не любители математики, физики, биологии. Для последних есть научно-популярная литература. Во-вторых, максимально достижимые фактическая строгость, четкость, логичность, непротиворечивость изложения, однозначность употребляемых терминов, для естественников вполне достаточны. Особенно с тех пор, когда основное содержание научного исследования стало выражаться не словами, а формулами, схемами, таблицами, графиками и т. д.

В развитии гуманитарных наук уже давно проявилась тенденция к сближению с науками естественными, явно выраженная, например, в структурализме, применении системных методологий. Тем не менее, гуманитарные науки продолжают оставаться весьма своеобразными, настолько, что естественники порой сомневаются в том, что их вообще можно считать науками. настолько, что философия то стремится стать похожей на объективную, строгую, прагматичную науку (в позитивизме), то заявляет, что она вовсе не наука, а философия.

Известна отмеченная философиями-неокантианцами ограниченность применения общенаучных методов познания в гуманитарном осмыслении мира. Ограниченность, определяемая своеобразием объектов изучения, предметов осмысления.

С этим своеобразием связаны многие особенности гуманитарного мышления и языковых, речевых выражений гуманитарной мысли.

Как бы ни был велик математик или физик, его научные труды читают только специалисты. И он им интересен в плане постановки и решения научных проблем. И достаточно, если его индивидуальность проявлена именно в этом, а не в том, как он выразил свое отношение к изучаемому, свою личностную позицию.

Историю же государства Российского Карамзина читали и читают не только историки, и в ней явлены «изящность, простота», которые, по ехидному замечанию А. С. Пушкина, доказывают «необходимость самовластья и прелести кнута». Так или иначе может быть оценена направленность карамзинской истории, в его труде, хотел он этого или нет, содержится отношение к описываемым им историческим событиям, фактам, и это делает его труд живым, интересным. Соловьев ту же историю изложил по-иному. Ключевский – по-своему. Индивидуальность каждого из историков отразилась в том, что и как он написал. Можно спорить, кто из них более точен в изложении тех или иных событий. Но каждый выразил свое видение истории России. Описание истории при стремлении быть объективным все равно остается личностным, индивидуально выраженным. И не все равно, каким «штилем», слогом.

Есть, конечно, публикации гуманитариев, представляющие собой просто констатацию интересных находок, сообщений о них, так сказать, в фактографическом порядке. Это важный, но все же подсобный материал для чего-то большего. Гуманитарные публикации – это явление собственно культурной коммуникации. В них содержатся размышления о жизни, о ее ценностях, о духе, о культуре. Они, в известной мере, – момент самосознания культуры и ее трансляции. И если самосознание выражается обезличенно, формализованно, оно перестает быть самим собой. Из попыток открытия истины оно превращается в ее сокрытие. Истина в гуманитарном познании не сводится к соответствию мысли предмету, в ней присутствует не формализуемое, переживаемое, заинтересованное начало.

Почему почти все наши диссертации никем, кроме оппонентов и рецензентов, не читаются. Да и большинство монографий, в которых отражено содержание этих диссертаций, – тоже, если и читается, то в лучшем случае узкими специалистами? Потому, что пишут их не гении, не необычайные таланты? Да нет, не только поэтому, а потому, что в них индивидуальность авторов сведена к минимуму. Научность душиется наукообразием в плане выражения мысли.

Ну, диссертации – работы квалификационные. Но и в иных публикациях гуманитариев все стало

близко к этому. Слушаешь ученого где-нибудь на конференции, а тем более в ее кулуарах, и думаешь: о, действительно любопытно. Потом вышла его статья, книга. И куда все делось? И скучно, и грустно.

Петр I предписывал не читать речей пописанному, дабы дурость каждого видна была. Но я бы сказал, ведь не только дурость, но и ум тоже. Поскольку наш письменный научный язык так сильно отличается и от разговорной речи и от художественной, постольку создается впечатление, что пишущие стремятся не обнаружить дурости, скрывая ее за гладкостью, обтекаемостью, стандартностью форм выражения мысли. Но форма не безразлична к содержанию. Оно тоже становится гладким, шаблонным, невыразительным, бедным.

Дурости не видно, но и умное, толковое подотыщи в потоке речевых штампов. И межкультурной коммуникации не происходит.

И дело не в том, чтобы непременно пооригинальничать в статье или книге, используя разговорную манеру выражения. И я не утопист – в том смысле, что все ученые-гуманитарии должны владеть литературным слогом. Я же знаю, что некоторые исключительные авторы, несмотря на все редакторские правки, остаются самими собой, своеобразными и интересными в своих публикациях. Я скорее имею в виду средний уровень научной продукции гуманитариев.

Нивелирование их личностного начала начинается довольно рано в средней школе. Продолжается в вузах, аспирантурах и докторантурах. Изменить эту тенденцию в практике образования и воспитания (касающуюся в том числе и редакторского «племени») – трудно, если вообще возможно. Поддержка этой тенденции не ослабевает, а усиливается в современных условиях.

Так, при поступлении выпускников школ в гуманитарные вузы снижена возможность выбора тех, кто способен не сдать ЕГЭ, а написать сочинение, в котором проверялась бы не только грамотность, а способность и стремление к нестандартному письменному изложению мыслей. Во время обучения гуманитарным специальностям следовало бы развивать дальше эту способность, стимулировать стремление к выразительности письменной речи.

Мы же сами в вузах продолжаем отучать студентов от этого. Курсовые и дипломные работы должны выполняться по установленным образцам и структурно и стилистически. Известно, как надо писать тот или иной вид работ. Почти в каждом из нас, преподавателей, оказался укоренен Семен Пуприков, гимназист из фельетона Власа Дорошевича «Русский язык», который знал, как надо писать сочинения. Ведь и для сочинений, и для курсовых и дипломных работ, и для наших статей,

монографий, а тем более диссертаций, есть шаблоны. Научные руководители, научные и ненаучные редакторы знают, как эти бумаги писать. От мала до велика и пишем в соответствии с известными требованиями. И бюрократическая стандартизация дополняется стандартизацией ума.

И что же удивительного, что вполне возможны так называемые «качки» из Интернета. Курсовые и дипломные, кандидатские диссертации, выполненные кем-то по стандартным образцам, в которых никак не выражен автор с его своеобразием, но есть все, чему положено быть, и текст написан, как положено писать.

Хорошо, что у гуманитариев, в частности у культурологов, есть достаточно объемные курсы литературы. Но может быть вместе с тем и практикумы не помешали бы. Писали же все лицеисты (не только Пушкин) стихи в процессе изучения словесности. Почему бы не писать курсовые и даже дипломы в форме эссе?

Понятно, что со всякой свободой, в том числе и свободой выражения мысли, связаны и некоторые издержки. Во-первых, свободно, живо, непринужденно выражать свои мысли может только тот, у кого свои мысли появляются. Во-вторых, важно и каковы эти свои мысли. Может, это только мыслишки?

Вряд ли следует поощрять полную свободу выражения человека недостаточно умного, да еще и достаточно наглого. Но тогда встает вопрос: а судьи кто? Когда есть шаблон, по нему легко измерять. Особой тонкости вкуса не требуется. В случаях же с нетривиальными словесными формами оценивающий их сам должен ценить нестандартность, уверенно отличая творческую смелость от нахальства, имитирующего ее.

Тем не менее для всех гуманитарных наук, но особенно для культурологии, надо искать возможности сбрасывания оков заштампованности научных текстов, которые в таком случае станут играть более действенную роль в межкультурных коммуникациях.

Я намеренно впрямую не касался вопроса об остроте содержательной проблемности, определяющей интерес к публикации. Ведь нетривиальность выражения мысли и нетривиальность самой мысли – связаны теснейшим образом.

А. Блок в статье «Три вопроса» писал о самом соблазнительном, самом опасном, но и самом русском вопросе «зачем?», вопросе о полезности, необходимости написанного. И что касается художественной литературы, и что касается гуманитарных публикаций, даже если это содержательная необходимость есть, вполне реализуется она только при условии достаточной яркости выражения, соответствия живой формы мыслительной остроте содержания.